

АНАТОЛИЙ ГАЛКИН

ОБЖАЛОВАНИЮ
НЕ ПОДЛЕЖИТ

ВИЛЛА
«ИКАР»

Вилла «Икар»

Анатолий Галкин

Обжалованию не подлежит

«Автор»

Галкин А.

Обжалованию не подлежит / А. Галкин — «Автор», — (Вилла «Икар»)

Убита известная и очень оппозиционная журналистка Алла Бакунина. Она застрелена пулей с гравировкой – слово «Мечь»... Мировая общественность волнуется!.. Надо срочно найти убийцу. Сыщики Паши Муромцева после сложных поисков выходят на город Шадринск. Это родина Бакуниной, и все нити ведут туда!.. Там происходят новые убийства среди старых знакомых Бакуниной. А это очень уважаемые люди!.. Бывший следователь, прокурор, судья. Ясно, что они связаны каким-то общим преступлением... Мститель делает свое дело, а сыщики Муромцева идут по следу. Они считают, что следующая жертва – мэр Шадринска!.. Стрелка наконец поймали, но оказалось, что он не маньяк, а благородный мститель. Его даже жалко!..

© Галкин А.

© Автор

Анатолий Галкин

Обжалованию не подлежит

Это был их первый совместный отпуск. После свадьбы прошел всего лишь год. А это значит, что с очень большой натяжкой их поездку в Крым можно было назвать свадебным путешествием.

Очень хотелось праздника! Но нет в мире совершенства!.. В разгар сезона владельцы приморских квартир, комнат и сарайчиков дико взвинтили цены. А молодые – Ирина Багрова и ее муж Вадим получали в Москве обычную офицерскую зарплату. Это не так мало, но квартира в Гурзуфе съела бы месячный оклад сыщиков уже в первые десять дней.

Да и дело не в деньгах! Хотелось романтики и уединения, а прибрежная полоса напоминала муравейник. Все постоянно куда-то бежали – на пляж и с пляжа, на обед и с обеда, в винный магазин и обратно... Вечером неугомонная толпа спешила искать новые приключения – в кино, на танцы, в ресторан...

И тогда Ирина с Вадимом ушли в горы. Они нашли дешевую хибару намного выше виноградников Краснокаменки – того поселка, где делают знаменитый «Мускат Красного камня»... Место было тихое и во всех отношениях отличное, но кроме одной детали – страшно далеки они были от моря. Еще утром можно было спуститься к сверкающей изумрудной воде. А вот под вечер уже никто не хотел лезть в горы. Это была почти сизифова мука! На первой четверти пути пропадало всякое удовольствие от пляжа и закипало раздражение на всё и на всех... Нет в мире совершенства!..

Сегодня «молодожены» не пошли к морю. Хватит! В конце концов – они приехали сюда отдыхать...

Их хибарка была сделана из местного ракушечника. Под Одессой этот камень желтый и рыхлый. А здесь белый и твердый – почти как мрамор... Стены были сложены из крупных блоков и без всякой внутренней штукатурки, без обоев или покраски. Просто – чистые спилы благородного камня. Ночью он хранил тепло, а днем в доме было прохладно, как в английском замке...

Они отдохали!.. Ирина стояла у окна и смотрела вдаль. А Вадик Хилькевич сидел в шатком шезлонге и читал газеты...

В домике было два окна, и оба выходили на запад. Это было плохо! Вечером заходящее солнце врвалось в светлую комнату и ослепляло, сверкая и отражаясь ото всех предметов... Но зато утром из этих окон открывался чудесный вид. Справа – рыжие скалы, корявый сосновый лес и уходящие вдаль синие горы. Прямо – виноградники и невнятные очертания Ялты. Слева внизу – оживленное шоссе, под которым Гурзуф и окутанное дымкой море.

Ирина поняла, что пейзаж за окнами притягивает и завораживает. Простая картинка никогда не была одинаковой. Она менялась каждый день, каждый час и каждую секунду. Точно так, как меняются огонь, облака и волны...

Ирина всегда считала себя крепким орешком. Но от крымского воздуха, от этих пьянящих пейзажей и от местного молодого вина она стала сентиментальной. Ей захотелось уюта, любви и ласки. Любви – не столько в том самом физическом смысле, а в романтическом виде, чтоб смотреть друг на друга и дышать одновременно...

Но Вадик Хилькевич оказался человеком практическим. Он конечно Ирину очень любил, но как-то без безумств, без высокого полета, без того, чтоб через год после свадьбы пылинки с нее сдувать... Ира вспомнила, что вся ее родня – волжские рыбаки. Вот она романтика – «И за борт ее бросает в набежавшую волну»... Хилькевич ничего за борт не кинет! Все его предки – крестьяне с белорусских хуторов. Куркули!..

Ирина стояла у окна и чувствовала, что готова разозлиться на мужа... Не надо пылкой страсти! Он мог бы просто встать, подойти сзади и начать приставать со всякими глупостями... Так – нет! Он упорно сидит и тупо читает свои журналы... Хоть бы слово сказал!

Вадим саркастически заворчал, встал с шезлонга и начал обличительную речь.

– Все зло от журналистов! Они глупы, лживы и продажны. Сами называли себя четвертой властью, а ведут себя, как мелкие провокаторы... Ирина, ты о ней как думаешь?

– О ком?

– О Бакуниной... Вот ее статья в журнале «Истина». Она же просто дразнит Президента. Она твякает, как Моська вокруг слона. Ей надо всем показать, какая она оппозиционная... Ты согласна, Ирина?

– Согласна... Я согласна, что Алла Бакунина волнует тебя больше, чем я... Скажи, Вадик, я больше тебя не интересую?

– В каком это смысле?

– В прямом!.. Вадим, я тебе нужна, как женщина?.. Ты меня еще хочешь, или уже нет?

* * *

Человек ко всему привыкает. Это только в молодости все хотят перемен, а к концу пятого десятка приятней всего стабильность. В эти годы самым лучшим кажется привычное течение жизни и устоявшийся ход событий – без войн, без катаклизмов и бурь... И чтоб никто не лез в душу!

Алла Бакунина давно привыкла жить одна. Всю свою энергию и жажду общения она выплескивала на работе. Добравшись до своей квартиры на Проспекте Мира, она расслаблялась, снимая с себя стресс и все остальное... Она отдыхала от людей!

Очень давно у нее были мужья, но все исключительно гражданские. С одним она жила три года, с другим два, а с последним – всего год. И это было больше десяти лет назад...

Нет, Бакунина не жила монахиней. Она встречалась с мужчинами, но редко. И, главное, что ни один из них не ночевал в этой квартире более одного раза... Она очень боялась привязанности. Да и вообще – мужчины волновали ее все меньше и меньше. Встречи с ними были чем-то вроде посещения китайского ресторана – любопытно, ярко, иногда вкусно, но не обязательно. Без этого вполне можно и обойтись.

Но сегодня утром на нее накатили воспоминания ранней молодости. И все они были на одну тему... Алла представила себя десятиклассницей, которая субботним утром поехала с друзьями на дачу. Весь день они веселились, пели под гитару, пили дешевое вино, танцевали и обнимались, уединяясь в дачных закутках и кладовках... Но к вечеру девушки заспешили в город, и ребята были вынуждены их провожать... К отходу последнего автобуса их осталось двое – сын хозяев дачи Игорь Котенков и отличница Алла Бакунина.

Смешной мальчик этот Игорь!.. В ту ночь он был такой трогательный. Было видно, что в нем кипит море страсти, но все это было прикрыто застенчивостью, робостью, неумением... Ей даже пришлось брать на себя инициативу...

В полдень Бакунина встречалась с платным информатором. Потом правила статью. Затем выступала на ТВ. А в конце дня ругалась с редактором... В водовороте этих ярких дел Алле некогда было вспоминать «про это». Ей даже показалось, что она начисто отвлеклась от глупых мыслей. Но это лишь показалось... И в кресле гримера на ТВ, и потом – она постоянно вспоминала Игорька Котенкова и ту ночь на даче...

Бакунина покинула редакцию в десять вечера. Она собиралась домой, но колеса ее синего «Пежо» сами поехали не на Проспект Мира, а на бульвар, поближе к ресторану «Зеленая сова»...

Очевидно, что в этот вечер Бакунина выбилась из привычной колеи и не могла адекватно оценивать обстановку. Алла даже не заметила парня, который следил за ней на ступеньках редакции... Когда она подходила к своему «Пежо», этот тип сунул руку за пазуху, вытащил пистолет с глушителем и стал прицеливаться. Он стоял у стены в нише и его там никто не видел... Киллер затаил дыхание. Надо уловить паузу между биением своего сердца и тогда плавно нажать на спусковой крючок... Журналистка открыла дверцу своей машины и на секунду замерла, собираясь садиться... Пора стрелять!

Он бы выстрелил, но помешала юркая грузовая «Газель». Обнаружив свободное место для парковки, она заскрипела тормозами, развернулась и выскочила на линию стрельбы, закрыв от киллера цель...

Алла Бакунина не знала, что из-за маленького грузовика судьба сжалась над ней, разрешив пожить еще несколько часов. И не просто пожить в трудах праведных, а ощутить многие земные удовольствия.

Ресторан «Зеленая сова» имел свою специфику, свою фишку. В него редко приходили компании или пары. И бизнесмены-мужчины сюда не заходили... Это было место отдыха для богатых женщин в старшем бальзаковском возрасте.

В последние годы Бакунина бывала здесь часто – по два-три раза в месяц. Ей нравилась спокойная обстановка без блеска и назойливости... Здесь не было огромного светлого зала, не было громкой ритмичной музыки, не было заносчивых посетителей, которые ощупывают тебя нетрезвыми взглядами... Здесь все было пристойно – закутки с уютными столиками в зеленом полумраке, тихие мелодичные блюзы и много «скромных» молодых мужчин, которые почти не смотрят в твою сторону...

Алла знала, что половина из этих смазливых парней состоит в штате ресторана и выжимает из клиенток деньги... Большая часть других – просто весельчаки, любители острых ощущений и бесплатных развлечений... Ни первых, ни вторых не надо было завоевывать и влюблять в себя. Стоило только глянуть в их сторону, поманить пальчиком, и перед тобой мужчина, готовый на все услуги.

Но в «Зеленой сове» попадалась и еще одна категория – случайно зашедшие сюда одинокие молодые парни. Знакомство с ними не всегда завершалось успешно, но это не было игрой в поддавки. Это было, как на охоте или рыбалке – то клюет одна мелочь, а то попадет такой сазан, что сердце радуется... Бакуниной часто удавалось зацепить удачный экземпляр и довести его до логического конца...

Алла прошла в дальний угол зала и заняла столик в полутемной нише. Она замерла в мягком кресле и стала наблюдать за народом... Ресторан не был пуст. В центре топтались танцующие пары, кто-то общался за щедро накрытым столом, кто-то начинал знакомство за барной стойкой.

В светлом холле у входа трое красавчиков вели светскую беседу, изредка поглядывая в зал. Всех их Алла хорошо знала. У одного из них были трусливые бегающие глазки, и Бакунина когда-то не захотела с ним общаться. А двое других уже бывали у нее дома... Но очень давно. Сейчас они уже поистрепались, и журналистка не взяла бы их ни за какие деньги...

Вот в ресторан вошел новенький. Его облик сразу чем-то привлек к себе... Мятые брюки, темная рубашка без галстука и куртка – не очень подходящий вид для похода в ресторан.

Парню было не больше тридцати. Он был красив, но без столичного лоска. Что-то вроде донского казака из «Тихого дона».

Казак был явно не из местных. Он спокойно осмотрел зал. Но от входа невозможно было увидеть тех, кто прятался в нишах под зелеными абажурами... Парень неуверенно прошел к барной стойке, а потом стал обходить все столики, искоса поглядывая на посетителей.

Алле показалось, что парень задержался около ее ниши дольше, чем у других... Это не говорило пока ни о чем, но Бакуниной вдруг стало приятно. Она решила, что он заинтересовался именно ей! И не как журналисткой, а как женщиной... Вот только какой-то он робкий – хочет познакомиться, но не может. Казак, а такой стеснительный!.. И тогда Алла сама обратилась к нему.

– Вы ищите место?

– Ищу.

– Можете сесть за мой столик... Вы не против?

– Нет, я не против.

Парень сел, но сразу оглянулся и взмахнул рукой, подзывая официанта... Это было непривычно. Обычно здесь заказывали дамы. Они же и платили...

Через час общения Бакунина уже точно знала, что уйдет из ресторана вместе с этим парнем и что он будет ночевать у нее... А где ему еще ночевать? Он только днем приехал из Воронежа, бросил вещи на вокзале пошел гулять по Москве... Милый мальчик! Но и сила в нем какая-то чувствовалась. И имя самое русское – Иван!.. Он явно был близок к земле. Но не так как шахтер или тракторист, а в высоком смысле. Как герой или былинный богатырь, как Стенька Разин или Алеша Попович.

– Иван, вы пойдете ко мне ночевать?

– Неудобно как-то... Вы же меня почти не знаете. А вдруг я какой-нибудь киллер.

– Ой, не смешите меня, Иван!.. Я – журналистка. Я вижу людей насквозь... Поехали ко мне, Ваня!

– Поехали... А вы точно не передумаете?

– Ни в коем случае!.. Вот, если бы ты, Ванюша, немедленно согласился, я бы засомневалась. А так – я верю тебе на двести процентов...

Алла проснулась, почувствовав, что его нет рядом... Она чуть приоткрыла глаза и улыбнулась – Иван стоял рядом с кроватью и осторожно одевался. Он делал это тихо, стараясь не разбудить ее... Как хорошо, что она пошла вчера в «Зеленую сову». Она бы могла сразу из редакции поехать домой. И что бы было? Посмотрела бы гнусный телевизор, выпила бы чай с бутербродами и легла одна в холодную постель... А так – она узнала Ивана! Пусть это маленькое, но счастье!

Ей не хотелось шевелиться. Но праздник должен продолжаться! Надо сделать для Ивана что-то яркое и увлекательное. Он не должен уйти просто так!

Бакунина рывком сбросила с себя одеяло и открыла глаза... Он замер, а она ехидно смотрела на Ивана взглядом порочной библиотечкарши. Она и на самом деле хотела соблазнить его еще раз...

– Что молчишь, Ваня? Как тебе эта картинка?

– Так что тут говорить? Красота, да и только... Формы у вас впечатляют. Я не люблю совсем худых. А тут – всё в самый раз!

– Ты прав... Мне и самой мое тело нравится. Иногда встану у зеркала и сама собой люблюсь... Ты куда, Ваня, собрался? Не спеши. Мы еще час можем побыть вместе...

Бакунина чуть изменила позу. Ей казалось, что Иван сейчас начнет срывать с себя одежду и в страсти бросится на нее. Но парень взял с кресла куртку, одел ее и начал застегивать молнию... Все это он делал неторопливо и сосредоточено. Но Алла заметила, что руки его дрожат, а значит – он волнуется... Она улыбнулась, представляя, что творится в душе молодого мужчины, сильного и страстного...

Бакунина ошибалась! Иван действительно волновался, но совсем не по тому поводу... Он засунул руку за пазуху и вытащил что длинное и блестящее.

Женщины не должны разбираться в оружии! И Алла толком не знала что это такое – револьвер, пистолет или какой-нибудь наган... Она понимала самое главное – эта штука с глушителем, и она стреляет!

На Бакунину напал какой-то ступор. Она не орала, не дергалась, не делала большие глаза. Она замерла и с трудом произнесла простую фразу.

– Ты что это, Ваня?

– Я же предупреждал, что ты зря меня пригласила... Хотя, оно без разницы. Я убил бы тебя все равно.

– За что?

– За Шадринск... Накройся. Смотреть противно!

– Да, сейчас... Но одеяло на пол упало.

– Подними!

Она послушно перевернулась на живот и смешно поползла к краю кровати, за который сползло сброшенное ей одеяло...

Вероятно, киллер медлил, видя живые глаза жертвы. А когда Бакунина повернулась к нему спиной и всем остальным, Иван поднял пистолет и, почти не целясь, дважды нажал спусковой крючок.

Звуки выстрелов были резкие, отрывистые и тихие, как обычные хлопки в ладоши. Не стрельба, а жидкие аплодисменты...

Иван подумал, что третий контрольный выстрел не нужен. Одна пуля попала под правую лопатку, другая – под левую... Было ясно, что журналистка его уже не слышит. Но он отчетливо произнес:

– Это тебе за Шадринск!

Сказал, нервно улыбнулся, прицелился и выстрелил третий раз. Теперь пуля вошла точно между лопаток...

* * *

Они и в этот день не пошли на пляж... Они не Сизифы какие-нибудь, чтоб в жару бегать по горам!.. На сегодня Вадим с Ириной запланировали пикник на природе. Но не на открытом солнце, а в тенистом лесу у водопада.

За виноградниками начиналось то, что в центральной России называют сосновым бором. Две-три сотни деревьев, заросли непонятных кустов, обломки скал, поросшие мхом, и солнечная поляна в центре этой красоты.

Молодожены разместились в тени. Здесь было все, как они хотели. Правда – водопад оказался небольшим. По отвесной скале неслышно и вяло стекала тонкая струйка воды... Даже, не стекала, а капала в разных местах.

Очистив поляну от шишек, Хилькевич постелил одеяло и начал раздеваться. А Ирина уже была в купальнике. Первым делом она сбросила сарафан на соседний куст с ароматными желтыми цветами.

Рядом стояли сумки с красным вином и простой закуской. Этого хватит до вечера... Одним словом – все говорило о предстоящем райский отдыхе!

Для начала они просто легли на спину и стали смотреть на чистое небо, которое синело в просветах между сосновыми ветками... Сюда не доходили звуки пляжа и шум шоссе. Но и тишины здесь не было. В скалах свистел ветерок, деревья скрипели, шурша иголками, капли водопада шлепали по лужицам... А еще запах! Он земли шел «чарующий аромат» прошлогодней прелой хвои и странных местных цветов.

Читать не хотелось... Вадим взял приемник и попытался найти подходящую музыку. Но в эфире звучала сплошная дискотека. Казалось, что одинаковые голоса производят похожие воюющие звуки.

– Я чувствую, Ирина, что старею.

– Не очень заметно!

– Я не об этом... Я о музыке. Хочется спокойных мелодий, хочется классики, хочется осмысленных слов... Меня стали раздражать современные песни.

– А меня они всегда раздражали. И это не потому, что я старая. Просто у нас с тобой, Вадик, есть вкус. Мы с тобой эстеты! Мы с тобой из интеллигенции, из той тонкой прослойки, которая на радио и ТВ не делает рейтинга.

– Да, рейтинг – это у них бог и царь!

На какой-то волне начался перезвон курантов, и веселый девичий голос стал скороговоркой сообщать главные новости планеты... Сначала было сказано, что в Сочи из роддома украли младенца, потом – про русскую любовницу американского гитариста. Но третья новость могла стать сенсацией мирового масштаба.

Дикторша радостно сообщила, что сегодня утром в своей квартире была найдена журналистка Алла Бакунина – убита тремя выстрелами в спину...

Хилькевич перевернулся на живот, подполз к сумкам и вытащил два сотовых телефона. Один из них он положил на живот Ирине, а другой себе.

– Не поняла тебя, Вадик!.. Ты на что намекаешь?

– Не поняла? Жаль!.. Я уж поверил, Ирина, что ты и точно из прослойки. Из тех, у кого вкус, дедукция и интуиция.

– Сейчас обижусь!.. Извиняйся!

– Извиняюсь. Ты, Ирина, очень умная. Даже слишком!.. Но вот не могла понять, что тебе сейчас будет звонить генерал Вершков.

– Так, Вадик. Я, видишь ли, свой аналитический ум в Москве оставила. Поэтому – давай подробности.

– Слушай сюда... Сегодня утром убили Бакунину.

– Знаю!

– Она была очень оппозиционная журналистка.

– Знаю, Вадик. Переходи к делу.

– Перехожу... Во вчерашней газетке писали, что для Кремля Бакунина, как кость в горле. И что на самом верху ее очень бы хотели убрать... Делаю вывод, что западная пресса уже кричит, что лично Президент убил свободную журналистку... Ты согласна, Ирина?

– Согласна... Не хочу в Москву! Желая еще двадцать дней лежать под соснами... Может нам выключить телефоны?

Это был риторический вопрос. В нем были эмоции, но он не требовал ответа. Оба знали, что по первому звонку любого начальника, включая майора Муромцева, они бросят все и полетят в столицу... И это потому, что они не работают сыщиками, а служат. Большая разница!

Телефоны лежали на краю одеяла. Лежали и молчали!.. Через сорок минут Ирина уже собиралась пошутить над «прозорливостью» Вадика, но вдруг ее аппарат ожил и задрожал в виброзвонке. А через три секунды тихо прозвучал вальс Грибоедова, потом чуть громче, затем – громко и настойчиво... Ирина осторожно взяла телефон и поднесла к уху.

– Здравствуйте, товарищ генерал... Отдыхаем. Места здесь райские... Да, про Бакунину уже слышали... Какие обиды, Тимур Аркадьевич? Мы понимаем, что ситуация чрезвычайной важности, что без нас вы не справитесь... После обеда будем в Москве!.. Нам не важно, какие есть рейсы. Если что – захватим самолет и прилетим... Это я шучу, товарищ генерал. Это нервы! Нас с мужем первый раз из отпуска отзывают...

Ирина отключила телефон, встала и начала собираться.

Вадим тоже сразу встал и принялся натягивать брюки... Ему казалось, что жена опечалена таким поворотом событий. Свадебное путешествие – оно должно быть один раз в жизни! А тут такой облом... Хилькевичу хотелось сказать что-то доброе, ласковое.

– Я горжусь тобой, Багрова! Ты настоящий сыщик... И это правильно, что мы срочно летим в Москву. Ребятам надо помочь. Они уже наверняка в полной запарке.

– Да, особенно Муромцев и Кузькин.

– Ну, эти двое уже точно на ушах стоят!

* * *

Муромцев и Кузькин не стояли на ушах. Они просто встали в сторонке и наблюдали за действиями криминалистов. Приятно было сознавать, что у них со следственной бригадой разные задачи... Да, генерал Вершков так и сказал – пусть они пишут протоколы, а ваша цель найти настоящего убийцу.

Тело еще не увезли. Более того – известная журналистка лежала поперек кровати, демонстрируя всем три пулевых отверстия в голой спине.

Квартира не была шикарной, но и совсем не бедной. Поражало обилие цифровой техники – три компьютера, телефоны, кондиционеры, телевизоры с плазмой и всякие там принтеры-факсы в одном флаконе...

Понятые тихо сидели в коридоре. А в большой комнате, представлявшей нечто среднее между спальней и рабочим кабинетом, командовал следователь Никита Бобриков. Он примостился в углу за компьютерным столиком и громко писал протокол. Каждую фразу он произносил вслух и ждал реакции. Если никто не возражал, то следователь быстро записывал слова в бланк и начинал продумывать следующее предложение... Иногда медик, криминалист или кто-то из оперов, проводящих обыск, действительно говорили пару слов для протокола. Часто свое мнение высказывал старый эксперт Николаев.

– Ты, Никита, кровать поподробней опиши. Вот тут две подушки, и обе примяты. А на них волосы разного цвета...

– Понятно! Оформляем, как вещественные доказательства – следы от потерпевшей и улики от убийцы.

– Возможно... Но ты не торопись с выводами, Никита. Тут волосы минимум от трех человек. А если перевернуть подушку, то и еще найдется. Слухи ходили, что покойница была в этом плане активная.

– Слухи мы в протокол писать не будем... Ты, Николаев, найди что-то такое, что прямо на преступника указывает. У нас пока ничего нет! Только гильзы и какие-то волосы... Совсем непонятно, как к этому делу подходить.

На последней фразе Муромцев и Кузькин переглянулись. Они оба не смогли удержаться и ехидно засмеялись. Это было неприлично! Во-первых, в комнате находился труп, а во-вторых – Никита Бобриков. Он мог принять смешки на свой счет и обидеться.

Паша Муромцев, как старший группы, попытался разрулить ситуацию.

– Это мы тут, Никита, о своем смеемся. Лев Львович напомнил мне анекдот. Но об этом потом... Мы пойдем по соседям, разведем обстановку.

– Конечно, Павел Ильич. Мы же вместе по делу работаем...

– Именно так!.. Если что накопаем, то сразу сообщим.

– Буду ждать... Дело какое-то странное. Пока совсем не ясно, с какого конца к нему подступать...

* * *

Для пресс-конференции выбрали огромный зал на Садовом кольце. Ожидалось, что будет не менее трехсот журналистов. Плюс – дипломаты и всякие пресс-атташе, плюс – телевидение с камерами, плюс – звукооператоры с микрофонами. Короче – в зале будет две тысячи ехидных глаз, которые заранее знают, кто убил Бакунину.

Генералу Вершкову часто приходилось делать то, что он не любил. Вот и сейчас придется сидеть на сцене и изображать Иванушку-дурачка... Противно то, что журналистская братия знает правила игры и очень любит играть в кошки-мышки. Как приятно сделать из генерала мышшь серую! И гонять ее потом дурацкими вопросами. А сама пресса всегда на коне. Она поучает и обличает... Коты поганые!

Вершкова успокаивало одно – первую скрипку будет играть Генеральный прокурор. Пусть принимает на себя все стрелы!.. А журналисты очень колючие! Они назовут Бакунину символом свободной прессы. Они скажут, что смерть оппозиционерки выгодна Кремлю. Они припомнят, что Президент лично выражал неудовольствие линей журнала «Истина». Они намекнут, что знают, где искать убийц. Они заявят, что силовикам не выгодно найти истинного киллера... Коты поганые!

Вершков ехал по Садовому кольцу сумрачный и злой... Еще суток не прошло с момента убийства. Пока еще нет ни улики, ни зацепок, ни версий. Надо активно работать, а эти журналисты будут задавать вопросы и поучать...

Уже в зале Вершков узнал, что в президиуме будут еще генералы. Еще двое – оба из МВД... Это хорошо! Они будут в форме и отвлекут на себя внимание прессы.

Вершкову очень не хотелось сегодня подходить к микрофону. Пришлось бы говорить, что мы приложим все силы, что найдем убийцу, что это дело чести...

Заканчивался первый час пресс-конференции. Вершков скромно сидел на краю стола и делал вид, что ведет записи в блокноте. На самом деле он рисовал чертей в разных позах. Были фигурки спящие, бегущие, плывущие на байдарке... Сборище явно подходило к концу, и генерал, как школьник, надеялся, что сегодня его не вызовут к доске... Вызвали!

Из рядов журналистов к микрофону пробился лохматый парень в мятом костюме. У него в руках был рукописный плакатик с названием своего издания – «Народное дело»... Распорядитель был вынужден дать ему слово.

– Только представьтесь, пожалуйста... Вы откуда?

– Я из города Шадринска. Газета «Народное дело». Журналист Рихард Зоркий... Это псевдоним такой.

– Понятно... Какой у вас вопрос?

– У меня вопрос к генералу Вершкову... Вот тут все говорили о возможных версиях, про политический заказ и всякое такое. А вы не думали, что нити ведут в наш Шадринск?... Бакунина родом из этого города. Она здесь в школе училась. Это прямо рядом с редакцией... У нас про молодость Аллы Бакуниной разные слухи ходят. Хотя, все это было очень давно.

Все отвечали на вопросы, сидя, а Вершков встал. За эти несколько секунд он успел продумать ответ странному журналисту, который своим псевдонимом косил под разведчика Рихарда Зорге... О Шадринске генерал слышал первый раз, но об этом никто не узнает.

– Вопрос очень важный!.. Все мы родом из детства. И понятно, идет детальная отработка всех связей погибшей журналистки... Только наивные люди могут полагать, что у Бакуниной один противник – Кремль. Такие люди, как она, насолит очень многим. Нам надо найти всех

ее врагов. И начнем мы с города Шадринска... Кстати, уважаемый Рихард, а почему с этим вопросом вы обратились ко мне?

– Так вы же курируете Службу особого назначения? Так?

– Так!.. Это не секрет.

– Но я знаю, господин Вершков, что вы распутываете самые сложные дела... Ну, если у МВД или ФСБ ничего не получается, то дело передают вам. Так?

– Если отбросить лишнюю скромность, то это так!

– Значит и дело Бакуниной вам передадут?

– Уже передали!.. Мы, конечно, найдем убийцу... Мы приложим все силы... Это для нас дело чести...

* * *

В старых домах особенные двory. В тени мощных деревьев прячутся добротные лавки и примитивные детские качели. Кажется, что так было здесь и двадцать лет назад, и сорок, и шестьдесят...

Поквартирный обход ничего не дал. Так бывает – Бакунина жила в этом доме двадцать лет, а все знакомства с соседями были шапочные. Кто-то видел ее в лифте, кто-то помог ей завести машину, кто-то сообщил, что у журналистки бывали разные гости... Одним словом – никто ничего не знает. Такие вот времена! Все люди заняты своими проблемами, а на ближнего им наплевать... Прав был следователь Никита Бобриков – пока не за что зацепиться.

Муромцев и Кузькин сидели во дворе и ждали последнего свидетеля – ближайшую соседку Бакуниной... Так получилось, что многие из свидетелей указывали на нее, на женщину в шляпке.

Очевидно, что ношение шляп – это сейчас особая примета. Что-то вроде шрама или татуировки... В наше время дамы носят кепки, шапки, платки, капюшоны и даже бейсболки. А вот найти женщину в элегантной шляпке – большая проблема!

Об этой моднице сыщикам сообщили следующее... Бакунина жила с ней на одной площадке – дверь в дверь... Они общались почти как подруги... Зовут «шляпку» как-то вычурно – или Алевтина, или Анфиса... С работы она всегда приходит ровно в шесть тридцать. Хоть часы проверяй!

До прихода этой старомодной Акулины оставалось десять минут... Муромцев и Кузькин разместились возле песочницы под большим деревянным мухомором. Отсюда просматривалась подворотня, дорога, ведущая к дому и сам подъезд, возле которого стояла следственная «Газель»...

День выдался суматошным. Сыщики устали. Муромцев просто молчал. А Кузькина потянуло на философскую лирику.

– Вот ты скажи мне, Паша – эта Афродита в шляпке могла сорок лет назад в этой песочнице играть?

– Вполне могла.

– Вот!.. А этот дуб и тогда шевелил над ней ветками.

– Это, Лев, не дуб, а яшень.

– Знаю, Павел Ильич! Не один ты у нас такой умный... Я про дуб сказал для поэтического сравнения. Для крепости мысли... Вот этот яшень стоит тут сто лет и усмехается: «И чего это люди суеются?.. Все проходит. Пройдет и это».

– Умный яшень. Только это еще раньше сказал царь Соломон... Спокойно, Лев! Вот наша «шляпка» идет... И ты смотри – ровно шесть тридцать!

Альбина Крымова шла к подъезду с заплаканными глазами. О смерти ее подруги уже давно передавали все новостные каналы... Она взглянула на сыщиков и, не читая их удостоверения, пригласила к себе.

В лифте можно было хорошо рассмотреть ее шляпку. Светло-зеленый фетровый берет с бордовой окантовкой и таким же цветком сбоку... Что-то из начала пятидесятых годов. Или поздний Сталин, или ранний Хрущев. Еще до первого спутника Земли...

Уже войдя в квартиру, в широком холле Альбина сняла свой немислимый берет и грустно спросила:

– Вас очень интересует, почему я ношу такие немодные вещи? Я угадала ваш первый вопрос?

Кузькин действительно рассматривал шляпку в упор, как экспонат в музее. Он решил, что Альбина обращается только к нему, и начал оправдываться.

– Нам ваши головные уборы без надобности! Правда, Павел?.. Мы ищем убийцу, а вы свидетельница. Нам только это важно. А что у вас на голове – вопрос второй... Вы хоть скворечник нацепите, только выдайте нам нужную информацию.

– Ох, как вас задел мой берет!.. И правильно. Это мой вызов общественному мнению. Это показатель моей внутренней свободы... Меня никто не понимал, кроме Аллы. Мы с ней были в оппозиции ко всему.

– Ко всему?

– Да, господин сыщик. Ко всему!.. Алла часто шутила: «Мы собой, Альбина, всегда против».

– Это такой мультфильм был: «А Баба-Яга против».

– Вы намекаете на мою внешность?.. Однако, вы, господин сыщик, хам!.. Только память великой Аллы Бакуниной не дает мне выставить вас за дверь...

Муромцев в чем-то был согласен с Кузькиным по содержанию. Но по форме тот явно зарвался. И оперативная наука говорит о том, что свидетеля надо не злить, а ласкать и всячески привлекать на свою сторону... Павел попытался разрулить ситуацию.

– Хочу представить вам, Альбина, нашего сотрудника – Лев Кузькин. Он у нас тоже оппозиционер. Ничьих мнений не признает. Даже вас чуть не обидел... Но давайте переходить к делу! Будем вместе искать убийцу Бакуниной... Вы хотите нам помочь?

– Очень!

– Насколько я знаю, Альбина – в этом доме Бакунина доверяла только вам?

– Не только в этом доме, а вообще – в этой жизни! Алла верила только мне... Разговор будет долгий, господа сыщики. Пойдемте на кухню. Вам ужин приготовить или только чай?

– Не беспокойтесь, Альбина. Мы сыты.

Это сказал Муромцев. А Кузькин, вероятно, хорошо вошел в роль свободной личности, не признающей авторитетов. Он продолжил играть сыщика без комплексов.

– А я бы чего-нибудь съел горяченького... Только не надо, хозяйюшка, суетиться. Вы покажите, где холодильник, и я накормлю вас в лучшем виде...

* * *

После пресс-конференции Вершков на пять минут задержался в кулуарах. Уйти было невозможно! Генеральный прокурор пересказывал старый анекдот, веселясь, как ребенок. Генералы от МВД хохотали во весь голос. Для приличия Вершкову тоже пришлось улыбнуться... А потом он улучил момент, сослался на дела и убежал.

Уже в машине, которая увозила его от Садового кольца, генерал понял, что поспешил. Он понял, что не сделал чего-то очень важного... Этот журналист из Шадринска намекнул,

что в его городе ходят разные слухи о причинах смерти Бакуниной. Так надо было взять этого писаку за жабры и допросить по полной программе... Вдруг он прав – чем черт не шутит?

Вершков приказал шоферу развернуться и под мигалкой мчаться назад к Зубовской площади, к зданию, где проходила пресс-конференция.

В первый момент генералу показалось, что он успел... На площадке перед зданием еще толпилась пресса. Кто-то уже начал грузить аппаратуру в студийные микроавтобусы, кто-то просто курил и трепался, обсуждая прошедшую встречу.

Когда среди журналистов неожиданно появился Вершков, то все оживились. Появилась надежда на дополнительные вопросы и фотографии в необычных ракурсах... Генерал поднял вверх руку, и все затихли.

– Обещаю ответить на три ваших вопроса. Но сначала вы помогите мне... Где тот парень из Шадринска? Кажется, газета «Народное дело»...

Журналисты замерли, начали что-то вспоминать и стали оглядываться вокруг. По их растерянным лицам Вершков понял, что человек из загадочного Шадринска не из их стаи. Он случайно залетел в Москву и неизвестно куда исчез... И только одна смешная девчонка а больших круглых очках попыталась поближе протиснуться к генералу.

– Извините, Тимур Аркадьевич, вы ищите Рихарда?

– Вот точно! Спасибо, что напомнили... Он действительно представился, как Рихард Зоркий. Так где этот разведчик?

– Он сразу уехал... Рихард очень спешил на вокзал. Боялся опоздать на поезд.

– Милая девушка, вспомните – какой вокзал?

– Казанский...

– А какой поезд?

– Номера я не знаю... Но он отходит в восемь двадцать.

– Так это через десять минут!.. До Казанского не успеть.

– Не переживайте, Тимур Аркадьевич. У меня есть и его мобильный телефон, и его адрес в Шадринске.

– Откуда у вас адрес?

– Мне Рихард оставил!

– Почему это?

– Приглашал приехать.

– Зачем?

– Понравилась я ему!.. Жениться предлагал!.. Только я в Шадринск не поеду. За мной и в Москве женихи толпами ходят...

* * *

Они говорили уже более двух часов. Альбина Крымова, несмотря на свои чудачества со шляпками, оказалась женщиной умной, деловой и даже грамотной в оперативном отношении. Свою трудовую жизнь она начинала машинисткой в очень секретном подразделении КГБ. А потом у нее появился жених, который привил ей тягу к свободе... Вскоре жених исчез, но тяга у Альбины осталась.

Крымова ушла из органов безопасности и примкнула к диссидентам, либералам, демократам и прочим оппозиционерам...

Но все это было давно! От всего свободолюбия у Альбины осталась дружба с журналисткой Бакуниной и шокирующие шляпки... А с сегодняшнего утра – только шляпки...

Муромцев подробно записывал ее показания... Бакунина откровенно делилась с Альбиной всем – и конфликтами на работе, и ночными приключениями. А у соседки память у была отменная. Сейчас она вспоминала десятки имен, десятки примет.

Сыщикам становилось ясно, что назревает провал. Каждого из названных Крымовой фигурантов надо подозревать, искать, проверять. А это не работа, а тихий ужас!.. Муромцев попытался зайти с другого бока.

– Скажите, Альбина, а все контакты покойной с мужчинами начинались в «Зеленой сове»?

– Если вы об амурных контактах, то да!.. Алла не меняла своих привычек... Она и меня водила в эту самую «Сову». Но – нет! Мужчины там были, но все не в моем вкусе.

– А вот вчера ночью у Бакуниной был кто-нибудь?

– Не знаю точно, но думаю, что был... Я позвонила ей около полуночи, а она в три секунды свернула разговор, сказав, что занята важным делом.

– Возможно, она статью писала?

– Не смешите меня, молодой человек! Таким дрожащим голосом статьи не пишут. Я вклинилась в самый разгар!.. Кстати, завтра я смогу проведать Аллу в морге?

– Вероятно... Но это к товарищу Кузькину. Он завтра утром едет на вскрытие, а мне предстоит встретиться с руководством «Зеленой совы»... Каждому свое!

* * *

Киллер назвал Бакуниной свое настоящее имя. Правда, не совсем настоящее, но то, которое он носил последние годы, и то, которое было у него в паспорте – Иван... С точки зрения конспирации, это была ошибка. Но Иванов в России – пруд пруди! Да и журналистка уже никому не скажет про своего ночного гостя.

Иван вспоминал эту ночь с двойственным чувством... Ему было противно, что он так близко и с понятным удовольствием общался со своим смертельным врагом... Но с другой стороны, обычный выстрел на улице был бы для нее слишком простой смертью. А тут получилась казнь с определенной изюминкой! Сначала он довел ее до экстаза, а утром успел сказать про Шадринск и успел насладиться ее страхом... Какие живые были у нее глаза, когда она смотрела в черное отверстие на срезе глушителя! Они менялись как кадры в клипе – от сонного блаженства до панического ужаса...

Иван включил свет и вошел в кабинет. Он был огромным и напоминал рабочее место академика. Мощный письменный стол, пухлые кожаные кресла и везде, где только можно – книжные полки до потолка.

Сам киллер совсем не был похож на академика. Внешность у него неприметная. Как у манекена. Всё на месте, но всё среднее – не за что зацепиться.

Он прошел по старинному персидскому ковру и выложил на письменный стол пистолет, а потом глушитель и запасную обойму. Предстояло приятное занятие – полная разборка и чистка оружия... Стол тоже был не очень похож на академический. Впрочем, если здесь работал ученый-механик, то все нормально... На столе стояли тиски и маленький гравировальный прибор. А еще – большая лупа, напильники, пинцеты и всякий такой инструмент.

В комнате было тепло, да и работа предстояла жаркая... Иван скинул рубашку и сел за стол.

Прежде всего он взял пистолет, вытащил обойму и начал аккуратно вынимать патроны. Киллер любовно протирал их, осматривал под лупой и ставил на светлое место... Вот они – пять боевых патронов, и на каждом яркая гравировка. Всего одно короткое слово – «Мечь».

Теперь Иван начал вытаскивать патроны из запасной обоймы. Он ставил их отдельно, поближе к тискам... Они стояли ровно в ряд, их было восемь!.. Патроны были такие же, но не совсем. Медная пуля была чиста. А там непременно должно быть заветное слово. Обязательно!

Киллер аккуратно брал гильзу, любовно оборачивал в кожу и мягко зажимал в тиски. Затем подводил лупу и брал в правую руку бур, похожий на тот, которым работают зубные врачи... Буквы получались маленькие, но четкие – как в журнальной статье.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.